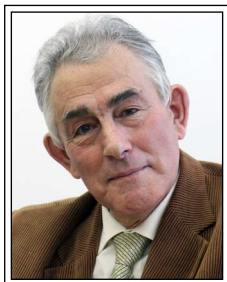

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

Доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.
Институт философии Российской академии наук.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1;
e-mail: gurevich@rambler.ru

ТЯЖБА МЕЖДУ БЫТИЕМ И НИЧТО

(размышления по поводу книги В.А. Кутырёва «Сова Минервы вылетает в сумерки»)

В.А. Кутырёв – один из известных и продуктивно работающих отечественных философов. Его книги получили признание научной общественности. Последняя из вышедших книга этого автора – «Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века)» [12] представляет собой сложение ранее вышедших текстов и вместе с тем является самостоятельным и цельным произведением, посвящённым судьбе современной цивилизации. В данном случае В.А. Кутырёв подготовил к монографическому изданию часть статей, опубликованных с начала XXI века в журналах разного уровня и профиля, и несколько новых, пока не изданных. Они предваряются более ранними текстами. В данной статье отмечено, что В.А. Кутырёв – концептуально мыслящий исследователь. В поле его анализа – защита вещно-событийной картины мира от всеобщего увлечения системно-структурным подходом к анализу цивилизационных процессов. Сам В.А. Кутырёв причисляет себя к философии Сопротивления, разрабатывая направления археоавангарда, коэволюции, феноменологического субстанциализма и антропоконсерватизма.

Ключевые слова: человек, постчеловек, трансмодернизм, интеллигент, закат сознания, деградация, трансианство, технологический процесс, антропофобия, технаука

Возврат к метафизике

В постсоветские годы чеканная формула относительно основного вопроса философии подверглась поруганию. Материалистическое учение в философии было отвергнуто, а, стало быть, размежевание с идеализмом оказалось несостоятельным. Появились новые версии основного вопроса философии. Среди них запомнилась совсем уже чахлая формула: «Основной вопрос философии – обеспечение счастья человека». И вот она пришла, эта желанная благодать. Человек как архаическая форма жизни радостно приговорён к исчезновению. Кончился век человека, завершилась хронологическая полоса, отведённая антропосу. Человек навсегда покидает царство жизни. Об этом идёт речь в книге В.А. Кутырёва «Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века)» [12].

Неужели этот приговор не подлежит обжалованию? Он принимается многими исследователями с таким энтузиазмом, с таким обожанием и восторгом, так обстоятельно аргументирован, что, кажется, сам человек отказывается от последнего слова. Робкие доводы в защиту приговорённого воспринимаются большинством мыслителей как нестройная команда. Пророки, которые подозревали встроенный в человека суицидальный синдром, имеют возможность восхищаться своим даром предвидения. Пляски смерти рождают упоенье, несопоставимое с пушкинским пиром во время чумы.

Этому шабашу «и бездны мрачной на краю» В.А. Кутырёв противопоставляет философскую аналитику, обличающую массовую истерию, у которой отказали тормоза. И она захлестнула здравый смысл, инстинкт самосохранения, глубину рефлексии, непреложность философской мысли, вселенский опыт человечества. В.А. Кутырёв пришёл к выводу, что люди неспособны управлять прогрессом технологий и в этом роковая причина деградации жизни и природы. Исследователь извлёк из спама ставший архаическим основной вопрос философии. Правда, он переформулировал его в духе современных дискуссий. Речь у нижегородского мыслителя идёт скорее не о материи и сознании, а о тяжбе между бытием и ничто.

Who is Kutirev? Сам он постоянно прибедняется, называет себя провинциальным учёным, демонстрирует скромность, которая паче тайной мессианской самоуверенности. Впрочем, за его кормой почти 20 монографий, посвящённых одной теме. Разумеется, маститые любомудры действительно готовы закрепить за В.А. Кутырёвым безнадежную провинциальность, марксистскую выучку, воинствующий архаизм, а по бытовой части: «пугает», «преувеличивает», цепляется за изжившую себя метафизику.

На самом деле В.А. Кутырёв – профессионал высокой пробы. Он основательно эрудирован, прекрасно знает тексты, с которыми спорит, обладает чувством снайперского юмора, придерживается чёткой

мировоззренческой позиции и отстаивает её в самых неожиданных ситуациях. Автор монографии не лишён подозрительности. Он готов зачислить в противники тех, кто на самом деле являются его единомышленниками. В нём столько критического запала, что он призывает читателей: «Кричите! Не спите!». А в качестве предостережения постоянно повторяет (в рецензируемой книге восемь раз: «нас не станет, но мы даже не узнаем об этом»).

Книга «Сова Минервы вылетает в сумерки» – по сути дела синопсис его предыдущих книг, сложение ранее напечатанных текстов. В.А. Кутырёв торопится, он увлечён, он уже стал заложником собственных аргументов, удачно сформулированных мыслей, к месту подобранных цитат. В книге то и дело натыкаешься на огромные повторы, которым нет числа, на тиражирование собственных находок и чужих «мудрых мыслей». Они возникают «нераздельно и неслиянно» в разных местах. Можно было бы оценить это как авторскую эпатажность. Но книга действительно собрана из разных деталей, из давних текстов, которые нет смысла и нет сил оперативно заменять новым текстом. А встреча со знакомым материалом, пожалуй, закрепляет авторскую позицию, разворачивает её в новом ракурсе, в необычном подчас контексте. Здесь автору тоже не удаётся «остановиться вдруг на вираже» (А. Аронов).

В.А. Кутырёв называет себя антропоконсерватором. Сколько сходных самоименований встречается ныне на философском поле. Говоря проще, В.А. Кутырёв не склонен отречься от странного существа, самого эксцентричного создания универсума – человека. Этот антропос создал мощные производительные силы, раскрыл потаённые ресурсы науки, обустроил дом цивилизации, проник в пучины человеческих страстей и вознёсся в высоты духовности. Он создал бесценные произведения искусства. Он раскрыл возможности человеческой разумности.

Но человек оказался далёким от ангельской природы. Его разумность обернулась массовым тупоумием. Его творческие возможности оказались парализованными запросами обыденности и вызвали «неудачу культуры» (Н.А. Бердяев). Его активность обернулась мощной деструктивностью, невиданными масштабами разрушительности. Человек проявил неспособность управлять не только технологическими процессами. Он не смог устранить человеческую разъединённость, социальные контрасты, разрастающуюся глупость и вырождение.

Все тексты В.А. Кутырёва пронизаны пафосом защиты человека. Развиваемая им философия Сопротивления самоапокалипсису опирается на онтологию предметности, археоавангардный реализм и феноменологический субстанциализм. В книге представлен оригинальный очерк развития философской мысли, который даёт возможность проследить истоки и дальнейшие приключения опасных мировоззренческих мутаций.

Человечество вторглось в квантовые миры, обнаружило иные реальности. По мере роста влияния NBICS-технологий, онтологически реализующихся в качестве микро-, космо-, инфо-, нано-, цифро- и прочих чужеродных «старой», естественной земной природе миров. Прогресс переступил через человека, поставил под вопрос само его существование.

Но разве проникновение в тайны Вселенной само по себе порождает апокалипсис? Нет, всё дело в направленности философской мысли. Детальный анализ новой картины мира не вычёркивает человека из мироздания. Его бытие прочно и нерушимо. Весь вопрос в том, прилагаем ли мы человеческие мерки к открывшейся нам картине мира или решаем судьбу человека по лекалам квантовых реалий, как они предстают перед нами сегодня.

Вывод современных прогрессистов в том, что человек не вписывается в новые реалии. Он, оказывается, чужероден им. Так возникает идея расчеловечивания человека, «забвения бытия» и катапультирования в «ничто». Современные прогрессисты объявили войну метафизике до полного её уничтожения. Философский постмодернизм, потом трансмодернизм приступили к деконструкции метафизики. Мировоззренческие позиции метафизики не безупречны. Они потребовали пересмотра эссенциальной, натуралистической и психологической корректировки человека. В классической, традиционной антропологии человек рассматривался зачастую как обычный природный объект. Так складывались схемы измерения и описания человека. Традиционная антропология исходила из посылки, что мир упорядочен, познаваем и управляем.

Критики метафизической философии отвергли концепт «человеческой природы». Нельзя не признать, что человек находится в авантюре собственного преобразования. Он не остаётся неизменным. Но потомок Адама может рассматриваться в своей природной конкретности, в совокупности своих естественных свойств. Однако сложились разные уровни ментального освоения мира. Наиболее привычным является мышление на предметном уровне. Но можно ли в философии ограничиться такой ментальной формой? Философия давно уже покусилась на отвлечённое и символическое мышление.

Представители неклассической антропологии, к примеру, объявили архаичным понятие «человеческой природы». Ещё Ж.-Ж. Руссо предлагал осторожно квалифицировать некоторые породы обезьян, живущих в Африке. Он полагал, что среди них могут оказаться разновидности человека. Этнографы представили человечеству невероятный спектр обнаружений человеческого. Можно ли в этом случае, невзирая на очевидные различия в жизни людей, накрывать их общей рубрикой «человеческая природа»? Можно, вне всякого сомнения. Иначе как развести «человеческое и слишком человеческое» (Ф. Ницше), «человеческое и нечеловеческое» (К. Маркс), человека и постчеловека?

Когда философ доказательно и профессионально отстаивает свою позицию, это добрый знак. Но при этом самого исследователя подстерегает дух мессианства. Когда В.А. Кутырёв легко и свободно работает с историческим материалом, это покоряет. Однако когда он выступает в качестве единственного и полноправного историка философии, берущего под подозрение тех мыслителей, которые, как ему мнится, сильно навредили философскому процессу, тенденциозность оценок становится подчас даже курьёзной.

Сокрушение метафизики, которое присуще неклассической антропологии, реализуется приверженцами новой парадигмы с явным перехлёстом. Метафизикам вчиняется не только «птолемеевщина», но и злой умысел. Похоже, метафизики по недомыслию внесли в историко-философский процесс «увечную мысль». Читаешь подобные тексты и думаешь, было бы лучше, если бы философы вообще прекратили свою вредоносную деятельность.

С восстановлением авторитета метафизики, которое прослеживается в текстах В.А. Кутырёва, выражаю солидарность. Можно признать, что метафизика, отмечает он, имела «зародыш» небытия, несла его в себе, но тысячи лет он давал импульс развитию человека, его совершенствованию «вверх». «Это развитие можно считать процессом расширения “просвета бытия”, движением от “просто бытия” к “бытию-сознанию”, которое воплощалось в покорении природы, достижениях культуры, науки и техники, формировании предметной искусственной реальности. Высшей точкой данного процесса, по-видимому, можно считать конец 19-го (до 30-х годов) XX века. Однако всё это время человек, меняя, расширяя и совершенствуя(сь), жил в среде, которую он видит, слышит, осязает, т. е. воспринимает своими органами чувств, соответственно, осмысляя получаемые эмпирические данные. Жил в макрореальности. Её философским выражением наряду с мифологией и религией была метафизика» [12, с. 11–12].

Проводя различие между традиционной и неклассической антропологией, многие исследователи не жалеют красок для изобличения метафизики. Собственно говоря, этот рубеж обозначил и М. Хайдеггер. Отвечая на оценку наследия Ницше, который обозначил радикальный поворот от метафизики к современному мышлению, Хайдеггер «ускромнил» заслугу этого философа, отметив присущий его творчеству эссенциализм. Так, взгляды представителей классической антропологии стали меткой для оценки архаизма. По мнению В.А. Кутырёва, столь радикальное отречение от метафизики неправомерно. Согласно неклассической антропологии, первична не предметная реальность, потом информация о ней, а информация, которая миром вещей только кодируется. Этот трансцендентальный переворот от онтизма к меонизму, от реализма к потенциальному конструктивизму В.А. Кутырёв называет суицидом метафизики.

Однако что стало бы с человечеством, если бы оно ограничило себя чувственно воспринимаемым миром? Оно отвергло бы миражи галактик, обнаружило бы равнодушие к зову трансценденции, полностью разместило бы себя в просторах имманенции. Критическому разбору подлежат не философские идеи, а те следствия, которые ухватываются логикой общей векторности цивилизационного процесса. Понятное дело, что не сам И. Кант катапультировал современный мир в современное техническое безрассудство.

Деантропологизация человека

Э. Гуссерль не причислен к цеху философских антропологов. Однако многие авторы, напротив, считают его вклад в постижение человека весьма значительным. «Смею допустить, – пишет, к примеру, С.А. Смирнов, – что как раз то, что сделал (и пытался сделать) Гуссерль, напрямую относится к тому, что необходимо философии человека, или онтологии человека, или к тому, что и как необходимо отвечать относительно ситуации человека. Он вырабатывал метод философствования, весьма близкий и адекватный для той проблемы и той ситуации, в которой оказался человек. А он оказался в ситуации без мышления. А значит, в ситуации без самого себя. Более того, Гуссерль успел предложить тот принципиальный, весьма необходимый набор процедур и инструментов, категорий и терминов, которые могут быть использованы в современной философии человека, которая всегда крайне нуждалась и нуждается в соответствующем для себя категориальном аппарате и методе работы» [18, с. 160].

В.А. Кутырёв в соответствии с замыслом своего исследования не видит положительного вклада Гуссерля в философское постижение человека. Он считает трансцендентальную феноменологию этого философа непосредственной предшественницей информационной революции. Это означает окончательное отрицание метафизики, «апокалипсис смысла» и переход к формализации мысли, когнитивизму / дигитализму. И даже более резко: «Гуссерль – провозвестник эпохи трансмодерна, возникновения техноидов и “революции мутантов”» [12, с. 15]. Конец метафизики, как полагает В.А. Кутырёв, связан с возникновением её субстанционально «нетрадиционных», постчеловеческих форм.

Эти оценки нижегородского философа продиктованы убеждением, что когнитизация мира ведёт к его деантропологизации. «Философия как метафизика вытесняется на обочину развития. Утрачивая непосредственно созерцательные связи с предметностью, она лишается эмпирического основания, гносеологизируется, методологизируется, рационализируется, когнитивируется. Становится “научной”, в остаточном случае – философией науки. Это характерно для эпохи модерна, ак-

тивного преобразования и обработки окружающей среды, её объяснения, потом – изменения, и настолько, что наши органы чувств, а потом и “безоружной” мысли, больше в ней не ориентируют» [12, с. 113].

Не разделяет В.А. Кутырёв массовый восторг по поводу ноосферы. Она, по его словам, как реальность является искусственной техногенной средой, которая теснит и подавляет ареал биологического бытия. Оценивая различные теоретические изыски на антропологическом поле, автор отмечает, что всё это вливается в поток теоретического «снятия» человека. В современных дискуссиях стало модным отрицать суверенность философии. Её оценивают как олицетворение идеологии, науки, религии. Такое «растворение» философии непродуктивно и опасно. Может быть, действительно пора расторгнуть брак, который был заключён между философией и наукой в эпоху Просвещения.

Основной вопрос философии в трактовке автора монографии «Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века)» вовсе не соотношение материи и сознания. Он раскрывает драматургию бытия и небытия. Понятие бытия имплицитно действительно содержит в себе всю философскую проблематику. В.А. Кутырёв отмечает, что окончательное торжество идеализма связано с возникновением виртуальных реальностей. Слово «виртуальный» быстро обрело популярность. Но в книге В.А. Кутырёва экспертиза нового понятия содержит весьма значимые обобщения. Он, в частности, отмечает, что онтология превращается в виртуологию. Человек, по словам В.А. Кутырёва, «становится бессубстратным и без свойств, точкой пересечения отношений. На это состояние “безбытия”, предметной пустоты начинают ориентироваться, из него исходят, им наполнены многие, особенно новейшие, философские течения» [12, с. 89].

Вывод исследователя таков: учение о бытии сменяется учением о небытии и ничто. По оценке автора книги, ориентацию не на бытие не следует рассматривать как новую, другую онтологию. Это скорее дезонтологизация сознания вплоть до нигилизма и «ничтоизма». «Появление нигитологии, – пишет В.А. Кутырёв, – претендующей на то, чтобы занять место онтологии, есть отражение победы идеализма и меонизма над материализмом и атомизмом, деятельности над созерцанием и общением, культуры над природой, технологии над культурой» [12, с. 94].

Обратим внимание на заголовки Венских лекций Р. Рорти: «Истина без соответствия реальности», «Мир без субстанции и сущности», «Этика без всеобщих обязанностей». Это иллюстрация постмодернистской «радикализации историзма». Вот что по этому поводу пишет И. Джохадзе: «“Редескрипция” Рорти – продукт чистой воды интеллектуальной фантазии. По сути, здесь мы имеем дело не с *ре*-конструкцией (будь то исторической или рациональной), а с *де*-конструкцией философской мысли. Это такая история философии, которая камня на камне

не оставляет от своего титульного предмета, полностью выхолащивая и обесценивая (в конце концов списывая в литературный архив) ту самую философию, “историей” которой себя называет» [9, с. 47].

Распад идентичности человека действительно анализируется в наши дни в основном через призму социальных, гендерных, психологических особенностей индивида. Нет сомнения в том, что ныне самотождественность человека выходит за эти границы. Возникает более общий подход к теме постижения человека как родового существа, как особого рода сущего. Это вызвано угрозой демонтажа человека, перехода его в постчеловеческое состояние. Мы на пороге появления «компьюто-органических кентавров» и систем искусственного интеллекта, превосходящего человеческий. В своих работах В.А. Кутырёв призывает к борьбе за традиционного человека. «Сохранение динамического равновесия применительно к жизни индивида, – пишет он, – означает сохранение его генотипа применительно в той или иной культуре – традиций, применительно ко всему сущему – Бытия» [12, с. 104–105].

Основной вопрос философии сам по себе вечен. Но исторически его содержание не оставалось неизменным. «Метафизика не антипод диалектической сложности мира, она воплощает в себе его противоречия и трансформировалась вместе со сменой этапов развития человечества. Бытие отождествлялось с Единым, в которое включается “Всё”, с Природой, порождавший дух, или Духом, отчуждавшим от себя природу» [12, с. 112].

Гуссерль абсолютизирует полагание субъективности. Мир, напротив, оценивается как относительный и предположительный. «А это равнозначно тому утверждению, что со стороны своей тавтологичной достоверности “я” в действительности гетерологично, ибо направлено на то, что в то же время должно считаться неким “в себе”. “Аподиктическое полагание мира” – двусмысленная, постоянно колеблющаяся формула отсутствия выбора между идеализмом и реализмом» [14, с. 6].

Назад к вещам!

Как и многие современные философы, В.А. Кутырёв настаивает на примате вещей. Он подозрительно относится культу отношений, которые по определению могут мыслиться без примесей материального. С этих позиций автор подвергает критике пантекстуализм. В нём от субъекта остаётся только самоинтерпретирующийся текст в ситуации интертекстуальности. Что произошло с субъектом? У человека вырвали сначала природные корни и обрезали божественные помочи, затем редуцировали к актору и агенту как точке пересечения социально-культурных отношений.

Свергнув субъекта, постмодернисты оставили в своих правах понятие «субъективности». Парадоксальность этой ситуации выражалась в том, что «субъективность», утратив своего носителя, «повисла в воздухе».

Субъективность, лишившись опоры, превратилась в загадочный фантом. Со временем постмодернисты осознали эту несуразность. Жан Бодрийяр в книге «Фатальные стратегии» утверждает: «Вселенная не диалектична – она обречена на крайности, а не на равновесие. Обречена на радикальный антагонизм, а не на примирение и синтез» [3, с. 7]. В отличие от абсолютного идеализма Гуссерль следует за Кантом. И хотя верно, что постановка критической проблемы у Гуссерля осуществляется более строго и амбициозно, не менее верно и то, что в итоге её решение остаётся в рамках трансцендентально-феноменологического идеализма.

Итак, многие философы сегодня следуют новым курсом – «Назад к вещам!». Ж. Бодрийяр отдаёт отчёт в том, что вещи перестают быть реальными, история перестаёт существовать. Он задаётся вопросом: каким чудом история вновь стала бы реальной? Каким чудом можно повернуть время вспять, чтобы предотвратить его исчезновение? Мир с невероятной скоростью мчится к гибели. Ж. Бодрийяр вопрошает: «Какие меры предосторожности нужно было бы предпринять, чтобы избежать этого исторического коллапса, этой комы, этого испарения реального? Сделали ли мы что-то не так? Допустил ли род человеческий какую-то оплошность, нарушил ли некую тайну, совершил ли где фатальную ошибку?» [3, с. 18].

Серьёзные вопросы, поставленные Ж. Бодрийяром, приковывают внимание. Но в них сквозит определённая наивность. Разве причины грядущего апокалипсиса всё ещё не ясны? Мы видим, что философы и гуманитарии участвуют в информатизации и компьютеризации окружающей среды. Вызывает тревогу поверхностное осуществление рефлексии происходящих событий, показ их значения для судеб мира и человека. Разве не очевиден отказ от человека как телесного и даже духовного существа. Оценивая гуссерлианство, В.А. Кутырёв пишет: «Под лозунгом возврата к феноменологии возникло направление, отрицающее самость не бытия, а сознания. Всё есть бытие, сознание же, как опушка леса, его “просвет”, то есть *состояние бытия*. Не более. Мартин Хайдеггер, откликаясь на “зов бытия”, развил феноменологию, противоположную гуссерлевской» [12, с. 135].

Трактовки человека, субъекта, индивида, автора, как показывает В.А. Кутырёв, рождают концепцию множественного индивида. Разнообразные «я» этого мультивида могут, как оказывается, иметь самостоятельные телесные воплощения, сохраняя при этом общее самосознание. Философская мысль устремляется за горизонт человека. Справедливо задать вопрос: что будет с нашей внешней и внутренней природой, с «естественной жизнью», когда появится искусственная? С нашим сознающим мышлением, когда распространится машинно-бессознательное, без слов? Что станет в случае реализации и универсализации трансцендентально-виртуального эмпиризма? Если названные тенденции сохранятся, то случится «снятие» человека, его самозомбирование и ликвидация.

В.А. Кутырёв рисует перспективу так называемого церебрального общества. Общение без слов, от мозга к мозгу. Это вожделенный идеал сетевой коммуникации. Согласно квантовой теории, человек – это волновая функция, которая является частью квантового состояния. Вот почему в постмодернизме субъект заменяется сингулярностью, складкой, складкой складки, подписью и другими продуцентами экзистенциального раздвоения сознания у нейтрона. Наука победила разум – такова чеканная формула описанной ситуации. В современном сознании постмодернизм во многом утратил свои позиции. Однако идеи её адептов сохраняют свою популярность. Ж. Делёз первым предложил положить в фундамент взаимодействия человека с окружающим миром не тождество, а различие. Но это означает признание первичности в мире не вещей, а отношений, переход от субстанциализма к реляционизму. При философском обобщении это выражается категориями ничто и бытия. Отказ от тождества и первичности субстрата означает отказ от приоритета бытия перед становлением, от сохранения идентичности в потоке непрерывной изменчивости.

Что происходит с человеком?

Постмодернизм медленно освобождает временно занятые территории. Но заявка на возврат к истокам очевидна. Как развивается сегодня философское постижение человека? Как можно оценить современное состояние философской антропологии? По этим вопросам нет общего согласия. Напротив, выявляется широкий спектр разных позиций. Исследователи размышляют о неоспоримом крахе классического антропологического дискурса. Однако нередко при самом радикальном дистанцировании от классики многие видные представители этой области философского знания сохраняют интенсивный интерес к её отдельным сюжетам. Фиксируют базовые признаки современного антропологического кризиса и антропологического поворота. И одновременно обнаруживают их во всей их аутентичности в истории философского толкования человека. Заявляют о закате философской антропологии и в то же время демонстрируют выдвигание этой тематики в центр всего философского и даже гуманитарного знания. Описывают превращение антропологии в антиантропологию. И тут же элиминируют её как некую фикцию.

Всё чаще раздаются голоса о «возврате к метафизике» и «воскрешении субъекта». «Провозгласивший смерть человека М. Фуко в конце собственной жизни обратился к герменевтике субъекта. Внимание привлекают высказывания Ж. Деррида типа того, что лично, как человек, он «метафизику всегда любил» и утешения Р. Рорти, что пока есть библиотеки и праздный досуг, «анормальный дискурс будет порождаться

также спонтанно, как летят искры горящего костра». Возникли дискуссии о способах преодоления оппозиции между субъектом и объектом, означаемым и означающим без ликвидации самих этих сторон. Вместо радикального ниспровержения присутствия возобновляется интерес к гуссерлевской методике его «эпохе» и теории интенциональности» [12, с. 174]. Мир меняется стремительно. Теория бессознательного была открыта всего лишь больше чем столетие назад. Слово «информация» появилось в энциклопедиях во второй половине минувшего века. «30 лет назад разгорелся спор о категориальном статусе информации. Боролись две теории: функциональная, что она присуща человеческому обществу, максимум живым самоуправляющимся системам и атрибутивная, что она является свойством всей материи. Победил второй подход, вскоре углублённый до признания информации такой же формой существования материи как пространство и время. Через некоторое время она завоевала статус состояния самой материи наряду с веществом и энергией. Или так: состояния реальности наряду с материей и энергией. Из гносеологической категории она превратилась в онтологическую, некий род сущего, сначала, правда, довольствуясь в этом трио последней ролью. Тем не менее, из информации как знания, «информации о» она стала субстанцией, одной из фундаментальных стихий бытия» [12, с. 185].

В.А. Кутырёв показывает, что информационно-компьютерное «мышление» не аналоговое. Не словесное. Оно цифровое. Это чистая математика. Нейрокомпьютер не только снимает с человека мыслительной деятельности, но и помогает ему познать самого себя. Рациональность может быть всякой, в том числе и безментальной, постчеловеческой. Но, может быть, психиатры XIX века были правы, когда заподозрили, что человечество вырождается, глупеет. Об этом несколько раз в книге напоминает и В.А. Кутырёв.

Не станем обольщаться. Глупость далеко не случайность, не снайперское обнаружение уставшего ума. Она многолика и уже давно атакует осаждённый разум, нередко приводя его в недоумение и растерянность. В любой газете сегодня можно без напряжения отыскать примеры глупых мыслей, поступков, решений. Раздражение тупостью исполнителей прорывается в выступлениях президента и премьер-министра. Политики, наблюдая друг за другом, выразительно крутят пальчиком возле виска.

Однако властители и социальные философы и политики до сих пор не осознали этой огромной опасности, легкомысленно и высокомерно постукивая глупцов по толоконным лбам. Между тем глупость завоевывает всё новые и новые территории, скрещиваясь с жестокостью, озлоблением, беспощадностью. Она теснит разум, порождая интеллектуальные перверсии.

Сразу приходится констатировать, что глупость имеет познавательные, социальные и психологические истоки и основы. Разум, воссоздавая свою одухотворённую историю, и помыслить не мог, что за глупо-

стью тоже вьётся летописная вязь. Сначала философы пытались втолковать людям, каким образом эта глупость обнаруживает себя в плавном движении разума и рассудка. Парменид возвещал: «Будь лишь разум судьёй многоспорному слову». Однако античные софисты поучали: «У человека есть козёл, у которого есть рога, следовательно, у человека есть рога». Платон сердился и советовал не поспешать к зеркалу, чтобы узреть свои ветвистые обретения от козла. Он объяснял людям, что мы имеем здесь дело не с тонкостью размышления, а со сбоем мысли, примером увечной логики.

В.А. Кутырёв исследует процесс когнитизации мира и его философско-исторические основания. Сначала метафизика потеряла философский статус как высшей формы духа. Её внимание сместилось с бытия на познание. Центр тяжести был перенесён с онтологии на гносеологию. Это смещение автор книги связывает с именем Канта. Тот первым отказался от мира, объявив его «вещью в себе». «Перестав рассматривать объективное бытие как таковое, он перенёс интерес и смысл философствования на субъект, сознание и познание. Гносеология, анализ субъектно-объектных отношений становятся синонимом прогрессивного, отвечающего духу времени, “продвинутого” философствования практически до возникновения феноменологии и структурно-лингвистического поворота, не говоря об “отсталых странах”, где гносеология была знаменем прогресса в борьбе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX века» [12, с. 201].

Однако действительно ли И. Кант оказался злоумышленником, который непоправимо сбил философию с надёжного курса? Доказательная критика современных процессов «изъятия» человека в этом месте изложения рождает смутное чувство неудовлетворённости. Правомерно ли весь процесс развития европейской философии рассматривать как обнаружение увечной мысли? Да, немецкий философ действительно вторгся в гносеологию. Но разве развитие философии должно осуществляться как-то иначе? Как выглядела бы современная философия, если бы она была лишена теории познания? Кант заслуживает критического разбора, но не отрицания. Жёсткие разборки В.А. Кутырёва могут в перспективе оказаться тоже залогом тупика. Пафос тотального разоблачителя порой лишает изложение строгости мысли и доказательности.

Философия всегда была ареной самых неожиданных и противоречивых мнений. Кантовская установка могла быть парализованной «следом идущими». Но В.А. Кутырёв замечает: «Хайдеггерянство и связанное с ним возобновление внимания к проблемам бытия не могли остановить общий процесс гносеологической деонтологизации философии. Также безуспешно ему противостояли философская антропология и экзистенциализм» [12, с. 201–202]. В такой трактовке Кант, вообще говоря, создатель философской антропологии, выглядит философским демоном.

Прыжок человеческого духа

В.А. Кутырёв показывает, что *«трансцендентальный идеализм отличается от “обыкновенного” онтологического объективного и субъективного идеализма тем, что постулирование в нём чистого, внеопытного, априорного разума было прыжком человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему предметной реальности в возможные миры»* [12, с. 211]. В информационном мире коммуникация не выступает в качестве средства связи между вещами, телами и субъектами. А это означает время конца мира субстратов, вещей, сущностей. Начинается период отношений, функций и системо-структур. Все явления и вещи превратились в узлы пересечения отношений.

Автор монографии «Сова Минервы вылетает в сумерки» доказателен, когда разъясняет, как структурно-лингвистический поворот похоронил метафизику. Он отмечает, что на доказательности универсальности языка, когда вещи, да и сам человек, рассматриваются как «пересечение языковых практик», передовые гуманитарии XX века «истёрли все свои языки». Несомненную ценность имеет критика «антиязыка» как концепции, которая получила распространение. В.А. Кутырёв показывает, что американский философ М. Эпштейн развивает особое направление в лингвистике и философии, определяя его как Скрипторику. Эпштейн мечтает о том времени, когда понятие субъекта растворится в информационных потоках, в электронных сетях. Впрочем, этот процесс уже очевиден и сегодня. Сравнительно недавно (в 2014 году) на факультете журналистики МГУ была защищена докторская диссертация, посвящённая рерайтингу. На всякий случай поясним, что речь идёт об информации, которая, попав в эфир, затем оказывается объектом коррекции, улучшения, редактирования. Всё это замечательно. Восторгов о рерайтинге во время защиты было немало. Правда, замечательное новшество. Однако в процессе коллективного редактирования исчезает проблема автора сообщения. Да, собственно, и личного участия, присутствия на месте событий. Когда-то журналист гордился собственным творчеством, уникальным авторством. Теперь информация, которую мы потребляем, анонимна.

Да что информация! Речь идёт уже о возможной сборке человека. Человеческое тело постепенно подвергнется материальной редукции. Тот, кто останется в «теле», одновременно сможет носить в кармане полную инструкцию по собственной сборке.

Нет оснований думать, будто современные философы не ищут выхода из современной кризисной ситуации. Например, Ален Бадью в книге «Манифест философии» [1] ставит вопрос об обновлении современной философской рефлексии. Однако, как пишет В.А. Кутырёв, в итоге рождается «Манифест трансмодернизма».

Книга В.А. Кутырёва – значительное событие современной философской литературы. Она, разумеется, выиграла бы, если бы в ней были устранены повторы, снижающие динамизм теоретического размышления. Однако будем учитывать право автора собрать под одну обложку труды разных лет.

Список литературы

1. *Бадью Ален*. Манифест философии / Сост. и пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
2. *Батай Ж.* О Ницше / Пер. с фр. А.Д. Бакулов. М.: Культурная революция, 2010. 336 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии / Пер. с фр. А.В. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 285 с.
4. *Гиренок Ф.И.* Фигуры и складки. М.: Академический проект, 2013. 244 с.
5. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 351 с.
6. *Гуревич П.С.* Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с. (Серия «Humanitas»)
7. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 493 с.
8. *Делёз Ж.* Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2011. 470 с.
9. *Джохадзе И.* Рорти и его история философии // *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра / Пер. с англ., вступ. статья, коммент. И.Д. Джохадзе. М.: Канон+, 2017. С. 4–48.
10. *Жижек Славой.* Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Шукиной. М.: Дело, 2014. 528 с.
11. *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
12. *Кутырёв В.А.* Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
13. *Кутырёв В.А.* Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
14. *Мильян-Пуэльес А.* Структура субъективности / Пер. с исп. и послесл. Г.В. Вдовиной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 368 с.
15. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015. 432 с.
16. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра / Пер. с англ., вступ. статья, коммент. И.Д. Джохадзе. М.: Канон+, 2017. 173 с.
17. *Руднев В.П.* Полифоническое тело: Реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис, 2010. 400 с.

18. *Смирнов С.А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. 438 с.
19. *Смирнов С.А.* Форсайт человека. Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: Офсет, 2015. 658 с.
20. *Фатенков А.Н.* Философия жизни у горизонта смерти (Перечитывая «Время Mortido» В.А. Кутырёва) // Философия и культура. 2015. № 7(91). С. 1096–1099. (DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.15194)
21. *Хайдеггер М.* Лекции о метафизике / Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. М.: Языки славянских культур, 2016. 173 с.
22. *Хоружий С.С.* Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновац. ун-т им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. 452 с.
23. *Шичалина Ю.В.* Человек «иномерный». Парадоксы антропологической меры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. пед. ун-та, 2006. 444 с.
24. *Эпштейн М.Н.* Debut de siècle, или От посто к прото-, Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. С. 180–198.
25. *Юнг К.Г., Фуко М.* Матрица безумия. М.: Алгоритм, 2018. 304 с.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor,
Chief Researcher. RAS Institute of Philosophy,
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: gurevich@rambler.ru

THE LAWSUIT BETWEEN BEING AND NOTHINGNESS

(Reflections on the Book by V. A. Kutyrev “The Owl of Minerva flies at dusk”)

V. A. Kutyrev – one of the well-known domestic philosophers working productively. His books have been recognized by the scientific community. The last of the published book by this author – “The Owl of Minerva flies at dusk (selected philosophical texts of the XXI century)” is the addition of previously published texts and at the same time is an independent and integral work dedicated to the fate of modern civilization. In this case, V. A. Kutyrev prepared for the monographic edition his articles published since the beginning of the XXI century in journals of different levels and profiles, and several new ones not yet published. They are preceded by earlier texts. In this article it is noted that V. A. Kutyrev is a conceptually thinking researcher. In the field of its analysis is the protection of the real-event picture of the world from the general fascination with the system-structural approach to the analysis of civilizational processes. V. A. Kutyrev consider himself to philosophy of Resistance, developing the trend of archeo-vanguard, co-evolution, phenomenological substantialism and anthropoconservatism.

Keywords: human, Posthuman, transmodernism, intellectual, decline of consciousness, degradation, transiantion, technological process, anthropophobia, technoscience

References

1. Badiou, A. *Manifest filosofii* [Manifesto of philosophy], trans. V. Lapitskiy. St. Petersburg: Machina Publ., 2003. 184 pp. (In Russia)
2. Bataille, G. *O Nitsshe* [About Nietzsche], trans. A. Bakulov. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2010. 336 pp. (In Russia)

3. Baudrillard, J. *Fatal'nye strategii* [Fatal Strategies], trans. A. Kachalov. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2017. 288 pp. (In Russian)
4. Belkina, G. and Frolova, M. (eds.) *Novoe v naukakh o cheloveke: K 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.T. Frolova* [New Insight into Humanities. For the 85-th Anniversary of Academician I.T. Frolov]. Moscow: LENAND Publ., 2015. 432 pp. (In Russian)
5. Deleuze, G. *Logika smysla* [Logic of meaning], trans. J. Svirskiy. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 470 pp. (In Russian)
6. Dubrovsky, D. and Klimova, S. (eds.) *Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskii krizis. Konvergentnyye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty*. [Global Future 2045: Anthropological crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects]. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii (Belgorod 11–12 aprelya 2013). Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 351 pp. (In Russian)
7. Dzhokhadze, I. “Rorti i ego istoriya filosofii” [Rorty and his History of Philosophy], in: R. Rorty, *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [The Historiography of Philosophy: Four Genres], trans. I. Dzhokhadze. Moscow: Kanon+ Publ., 2017, pp. 4–48. (In Russian)
8. Epshtein, M. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From Knowledge to Creativity. How the Humanities Can Change the World]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 480 pp. (In Russian)
9. Fatenkov, A. “Filosofiya zhizni u gorizonta smerti (Perechityvaya ‘Vremya Mortido’ V. A. Kutyreva)” [**Philosophy of Life Near the Horizon of Death (Re-Reading “Time Mortido” by Vladimir Kutyrev)**], *Filosofiya i kul'tura*, 2015, No. 7(91), pp. 1096–1099. (DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.15194) (In Russian)
10. Girenok F. *Figury i skladki* [Figures and Folds]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 244 pp. (In Russian)
11. Gurevich, P. *Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyi analiz* [Classical and non-classical anthropology: comparative analysis]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2018. 496 pp. (In Russian)
12. Heidegger, M. *Lektsii o metafizike* [Lectures on metaphysics], trans. S. Zhigalkin. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 173 pp. (In Russian)
13. Horujy, S. *Sotsium i Sinergiya: kolonizatsiya interfeisa* [Society and Synergy: the Colonisation of the Interface]. Kazan': Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) Publ., 2016. 452 pp. (In Russian)
14. Husserl, E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: an Introduction to Phenomenological Philosophy], trans. D. Kuznitsyn. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 493 pp. (In Russian)
15. Jung, C., Foucault, M. *Matritsa bezumiya* [Matrix of Madness]. Moscow: Algoritm Publ., 2018. 304 pp. (In Russian)
16. Kutyrev, V. *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kissing. Man as a Tradition]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2015. 312 pp. (In Russian)
17. Kutyrev, V. *Sova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannyye filosofskie teksty XXI veka)* [The owl of Minerva flies at dusk (Selected philosophical texts of XXI century)]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2018. 526 pp. (In Russian)
18. Kutyrev, V. *Unesennyye progressom: eskhatologiya zhizni v tekhnogennom mire* [Gone with the progress: the eschatology of living in the techogenic world]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2016. 300 pp. (In Russian)

19. Millán-Puelles, A. *Struktura sub"ektivnosti* [Structure of Subjectivity], trans. G. Vdovina. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2018. 368 pp. (In Russian)

20. Rorty, R. *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [The Historiography of Philosophy: Four Genres], trans. I. Dzhokhadze. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. 173 pp. (In Russian)

21. Rudnev, V. *Polifonicheskoe telo: Real'nost' i shizofreniya v kul'ture XX veka* [Polyphonic body: Reality and schizophrenia in the culture of XX century]. Moscow: Gnozis Publ., 2010. 400 pp. (In Russian)

22. Shichalina, Yu. *Chelovek «inomernyi». Paradoksy antropologicheskoi mery* [Man of another dimension. The paradoxes of anthropological measure]. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical University Publ., 2006. 444 pp. (In Russian)

23. Smirnov, S. *Antropologicheskii navigator. K sobytiinoi ontologii cheloveka* [An Anthropological Navigator. To an Event Ontology of Man]. Novosibirsk: Ofset Publ., 2016. 438 pp. (In Russian)

24. Smirnov, S. *Forsait cheloveka. Opyty po neklassicheskoi filosofii cheloveka* [The foresight of the person. Experiments on non-classical human philosophy]. Novosibirsk: Ofset Publ., 2015. 658 pp. (In Russian)

25. Žižek, Slavoj. *Shchekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [The Ticklish Subject: the Absent Centre of Political Ontology]. Moscow: Delo Publ., 2014. 528 pp. (In Russian)